

И. А. БУНИН

<Стихотворный цикл>

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

У райской запретной стены,
В час полуденный,
Адамий с женой Еввой скорбит:
Высока, бела стена райская,
Еще выше того черные купарисы за ней,
Густа, ярка синь небесная;
На той ли стене павлины сидят,
Хвосты цветут ярью-зеленью,
Головки на зубчатых венчиках;
На тех ли купарисах птицы вещице
С очами дивными и грозными,
С голосами ангельскими,
С красою женскою,
На головках свечи восковые теплятся
Золотом-пламенем;
За теми купарисами пахучими —
Белый собор апостольский,
Белый храм в золоченых маковках,
Обитель отчая,
Со духи праведных,
Убиенных антихристом:
— Иусе Христе, миленький!
Прости душу непотребную!
Вороти в обитель отчую!

СИРИУС

Где ты, звезда моя заветная,
 Венец небесной красоты?
 Очарованье безответное
 Снегов и лунной высоты?

Где молодость простая, чистая,
 В кругу любимом и родном,
 И старый дом, и ель смолистая
 В сугробах белых под окном?

Пылай, играй стоцветной силою,
 Неугасимая звезда,
 Над дальнею моей могилою,
 Забытой Богом навсегда!

* * *

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
 Как горько было сердцу молодому,
 Когда я уходил с отцовского двора,
 Сказав прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо...
 Как бьется сердце, горестно и громко,
 Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
 С своей уж ветхою котомкой!

* * *

Печаль ресниц, сияющих и черных,
 Алмазы слез, обильных, непокорных,
 И вновь огонь небесных глаз,
 Счастливых, радостных, смиренных, —
 Все помню я... Но нет уж в мире нас,
 Когда-то юных и блаженных!

Откуда же являешься Ты мне?
 Зачем же воскресаешь Ты во сне,
 Несрочной прелестью сияя,

И дивно повторяется восторг,
 Та встреча, краткая, земная,
 Что Бог нам дал и тотчас вновь расторг?

ВЕНЕЦИЯ

Колоколов средневековый
 Певучий зов, печаль времен,
 И счастье жизни вечно новой,
 И о былом счастливый сон.

И чья-то кротость, всепрощенье
 И утешенье: все пройдет!
 И золотые отраженья
 Дворцов в лазурном глянце вод.

И дымка млечного опала,
 И солнце, смешанное с ним,
 И встречный взор, и опахало,
 И ожерелье из коралла
 Под катафалком водяным.

* * *

Уж как на́ море, на́ море,
 На синем камени,
 Нагая краса сидит,
 Белые ноги в волне студит,
 Зазывает с пути корабельщиков:
 — «Корабельщики, корабельщики!
 Что вы по свету ходите,
 Понапрасну ищете
 Самоцветного яхонта-жемчуга?
 Есть одна в море жемчужина —
 Моя нагая краса,
 Уста жаркие,
 Груды холодные,
 Ноги легкие,
 Лядвии тяжелые!
 Есть одна утеха не постылая —
 На руке моей спать-почивать,

Слушать песни мои унывные!»
 Корабельщики плывут, не слушают,
 А на сердце тоска-печаль,
 На глазах слезы горячие.
 Ту тоску не заспать, не забыть
 Ни в пути, ни в пристани,
 Не отдумать до́веку.

* * *

Льет без конца. В лесу туман.
 Качают елки головою:
 «Ах, Боже мой!» — Лес точно пьян,
 Пресыщен влагой дождевою.

В сторожке темной у окна
 Сидит и ложкой бьет ребенок.
 Мать на печи, — все спит она,
 В сырых сенях мычит теленок.

В сторожке грусть, мушиный гуд...
 — Зачем в лесу звенит овсянка,
 Грибы растут, цветы цветут
 И травы яркие, как медянка?

Зачем под мерный шум дождя,
 Томясь всем миром и сторожкой,
 Большеголовое дитя
 Долбит о подоконник ложкой?

Мычит теленок, как немой,
 И клонят горестные елки
 Свои зеленые иголки:
 «Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!»

ДОЧЬ

Все снится: дочь есть у меня,
 И вот я, с нежностью, с тоской,
 Дождался радостного дня,
 Когда ее к венцу убрали,

И сам, неловкою рукой,
Поправил газ ее вуали.

Глядеть на чистое чело,
На робкий блеск невинных глаз
Не по себе мне, тяжело,
Но все ж бледнею я от счастья,
Крестя ее в последний час
На это женское причастье.

Что снится мне потом? Потом
Она уж с *ним*, — как страшен он! —
Потом мой опустевший дом —
И чувством молодости странной,
Как будто после похорон,
Кончается мой сон туманный.

